

ЧЕРНУШКА

(с сокращениями)

Жил на Кавказе в одном городе шорник по имени уста Зейнал со своей женой Шарафнисой. Когда-то они жили в Иране, но нищета и голод заставили их покинуть родину. А здесь мастер своим ремеслом кое-как кормил семью.

Уста Зейнал имел одну-единственную дочку – шестилетнюю Туту, она была смуглая и некрасивая девчонка. Когда она была совсем маленькая, мать, лаская, как-то назвала её Чернушкой. Это прозвище так пристало к ней, что настоящее её имя было забыто.

Чернушка была большая шалуныя. Она не любила играть с подругами, предпочитая им мальчишек. Дети побаивались её, и недаром: она была очень смелая и решительная, и никто не мог устоять перед её кулаками.

...Чернушка была очень доброй девочкой и всегда защищала маленьких и слабых. Она славилась своей щедростью – всем, что было у неё, делилась с товарищами.

Как-то зимою случилось такое сильное землетрясение, что разрушился почти весь город. Произошло оно в полночь, когда все спокойно спали, и потому многие остались погребёнными под развалинами домов.

Наутро со всех окрестных сёл пришли в город люди, чтобы помочь пострадавшим. Первым из-под развалин дома, где жила семья шорника, был извлечён труп Шарафнисы, а следом и самого уста Зейнала. Продолжая копать, люди добрались до какой-то щели, из которой вылезла маленькая

девочка. Это была Чернушка.

Увидев мёртвых отца и мать, она начала громко плакать, но люди были заняты поисками своих родных и близких, и никто не обращал на неё внимания.

Случилось так, что за два дня до этого близ города расположился цыганский табор. Одна из цыганок пожалела Чернушку и увела с собой. Женщина, которая привела Чернушку в табор, была молодая и красивая. Ей было не больше двадцати лет. Звали её Ясемен. Все любили её за добрый и весёлый нрав. Зато её мужа, Юсифа, неуживчивого, жестокого и злого цыгана, никто терпеть не мог.

Ясемен играла на бубне, пела и плясала по дворам, за что её всегда щедро вознаграждали. Юсиф водил по деревням медведя, выделявавшего всевозможные забавные штуки, и тоже неплохо зарабатывал.

Когда Ясемен привела Чернушку в табор, Юсифа не было. Ясемен очень боялась мужа и потому тревожилась, не зная, как он примет Чернушку.

Вскоре табор снялся с места.

Беспокойство Ясемен было не напрасным. Как только Юсиф услышал о Чернушке, он пришёл в страшную ярость и заявил, что в первой же деревне, которая встретится им, оставит девочку.

Ясемен умоляла мужа пожалеть ребёнка, но он и слушать ничего не хотел.

Однако Ясемен, хорошо зная жадность своего мужа, стала уговаривать его, что в будущем Чернушка может стать для них источником дохода.

– Знаешь, Юсиф, – вкрадчиво повторяла она, – я научу её петь и плясать, наряжу её в пёстрое платьице, и она будет выступать в городах и сёлах. Увидишь, будем иметь богатый барыш.

Эта мысль понравилась Юсифу, и он согласился оставить девочку в таборе.

Новая жизнь пришлась Чернушке по вкусу. Ей нравилось бродить по дорогам из села в село, из города в город, разбивать шатры на берегу быстрой речки или на опушке густого леса. Ей полюбились вольные песни и сказки цыган.

Вначале она боялась медведя, но потом привыкла и даже подружилась с ним.

Ясемен научила Чернушку бить в бубен, петь и плясать. И когда, закончив свои номера, девочка обходила зрителей с бубном в худенькой ручке, он вмиг наполнялся медными и серебряными монетами.

Ясемен всем сердцем привязалась к сиротке. А Юсиф хотя и был доволен хорошим заработком, который приносили Чернушка и жена, но таков уж был у него характер, что он постоянно искал повод, чтобы обругать или поколотить их.

Но сколько ни бил Юсиф Чернушку, никак не мог сломить её характер. Она всегда слушалась беспрекословно только ласковую и добрую Ясемен. Часто Юсиф жаловался жене:

– Даже этот громадный медведь боится моей палки, делает всё, что я захочу, а с этой крошечной девчонкой я никак не могу сладить, она ни в грош меня не ставит.

– Это потому, – отвечала Ясемен, – что медведь животное, а она – человек. Животное можно приручить дубинкой, а к человеку нужен ласковый подход и доброе слово.

После таких разговоров Юсиф жестоко избивал бедную

девочку. Несколько раз она пыталась бежать от этого злого человека, но ей не удавалось.

Прошло два года. Чернушка прославилась своим пением и пляской на всю округу. Теперь, когда Юсиф начинал мучить её, Ясемен говорила, желая припугнуть его:

– Зачем ты издеваешься над бедняжкой? Ведь она может сбежать от нас, и тогда мы лишимся тех денег, которые она приносит...

Стояли жаркие июльские дни. Солнце палило нещадно. Цыгане разбили свои шатры на берегу небольшой горной речки.

Был полдень. Юсиф ушёл вместе с медведем в ближайшую деревню. Ясемен развела на прибрежном песке костёр и занялась стиркой. Чернушка купалась. Река с шумом катилась по крутому склону горы, но она была мелкая, и потому Чернушка была в безопасности.

Постирав, Ясемен развесила бельё на ветках кустов и, собираясь мыть голову, начала расплетать свои длинные чёрные волосы, рассыпавшиеся густой волной по плечам. Она кликнула Чернушку, чтобы та помогла ей. Но девочка, стоя под водопадом, не слышала Ясемен...

Чернушка продолжала спокойно стоять под водопадом, а с горы с оглушительным рёвом нёсся на неё бурный поток, таща с собой огромные валуны, вырванные с корнем кусты и песок.

– Беги, Чернушка! Скорей! Наводнение! – закричала Ясемен.

Услышав крик Чернушка спокойно вышла из водопада, но не успела сделать и трёх шагов, как громадная лавина настигла её, сбила с ног и понесла. В тот же миг Ясемен бросилась в воду и поплыла к девочке. Ясемен отчаянно гребла, стараясь поскорее догнать её. Наконец ей удалось это, и, схватив Чернушку за косы, она поплыла с ней к берегу.

На крики к реке сбежались цыгане. Вода всё прибывала и прибывала, унося с собой Ясемен и Чернушку. Внезапно поток ударил их о камень, выступавший над бурными волнами, и вырвал Чернушку из рук Ясемен. Девочка каким-то чудом зацепилась за камень и повисла на нём, а Ясемен понесло дальше.

Несколько цыган бросились в воду и вытащили Чернушку и Ясемен на берег. Обе были без сознания и бледные, как смерть, лежали на земле. После долгих усилий удалось привести их в чувство. Голова Ясемен была разбита. Придя в сознание, добрая женщина слабым, еле слышным голосом, преодолевая ужасную боль, первым делом спросила о судьбе Чернушки.

Один цыган взял девочку на руки и поднёс к ней.

– Смотри, Ясемен! – сказал он. – Вот Чернушка! Она жива, будь спокойна!

– Слава богу, – проговорила Ясемен, ласково поглядела на свою любимицу, потом глаза её снова закрылись, и она впала в беспамятство.

К вечеру вернулся в табор Юсиф. Услышав о том, что случилось, он пришёл в неистовую ярость.

– Так я и знал, – кричал он, – что эта девчонка принесёт нам несчастье!

Цыгане старались успокоить его:

– Да ты не отчаивайся! Лучше выйдем отсюда, чтоб не шуметь. Им обеим необходим покой.

Ухаживать за больными осталась лишь Усня, задушевная

подруга Ясемен.

Всю ночь Чернушка стонала от боли, только к утру она успокоилась и заснула. Ясемен билась в лихорадке. У неё был сильный жар. К утру жар у Ясемен сделался сильнее, она металась, точно птица, попавшая в силки. Глаза её всё время были закрыты.

Наконец Ясемен открыла глаза. Всегда румяные, её щёки были теперь мертвенно бледны. Узнав Уснию, она прошептала сухими, запекшимися губами:

– Где Юсиф?

– Он тут, сестричка! Позвать его?

– Да, позови!.. Всех позови!.. Я умираю.

– Не бойся, сестричка, ты не умрёшь! Сегодня во что бы то ни стало, я приведу к тебе врача...

Через минуту Юсиф и другие цыгане окружили Ясемен. Они старались, как могли, подбодрить и утешить её.

– Не надо, дорогие! – остановила их Ясемен. – Я умираю... Дай мне руку, Юсиф! Слушай моё последнее слово, мой завет... Обещай, что исполнишь его... Вот уже четыре года, как я твоя жена. За всё это время я ничего не видела от тебя, кроме брани и побоев... Я сгубила свою молодость... Ты был моим учителем, но я всё прощаю тебе. Только обещай мне никогда не обижать Чернушку и обходиться с ней ласково...

– Я обещаю тебе это при всех наших товарищах! – хриплым голосом пробормотал Юсиф.

Лицо Ясемен просветлело.

– Сестра моя! – обратилась она к Усни. – Я поручаю Чернушку тебе. Заботься о ней!.. Следи за ней... Ах, в глазах темнеет!.. Меня душит! Юсиф!.. Усня!.. Чернушка!..

Ясемен начала бредить. Вскоре она скончалась.

После смерти Ясемен Юсиф некоторое время сдерживал свое обещание, но скоро дурной характер взял верх. Вдобавок последнее время Юсиф начал пить. Весь свой заработок он оставлял в трактире и возвращался в табор пьяным. Жизнь Чернушки стала невыносимой.

Однажды, когда Юсиф и Чернушка шли по дороге, навстречу им попала группа молодых всадников, ехавших в город на свадьбу. Увидев цыган, они попросили их показать свое искусство. Юсиф согласился. Чернушка начала петь и плясать. Это так понравилось всадникам, что они стали осыпать её деньгами.

Юсиф был очень доволен этой неожиданной встречей и, отобрав у Чернушки деньги, сказал ей:

– Ты посиди с медведем вон под тем кустом, отдохни немного. Я схожу в деревню за хлебом, а тебе принесу орешки и кишмиш.

Девочка хорошо знала, что он идёт в деревню вовсе не за хлебом, а в трактир и вернётся пьяным, но возражать не посмела.

Юсиф привязал медведя к ветке большого куста и ласково сказал Чернушке:

– Садись здесь, моя умница, я скоро вернусь.

Он ушёл. Чернушка прилегла в тени и через некоторое время крепко уснула. Прошло часа два. Юсифа всё не было. Чернушка не просыпалась.

Наконец явился Юсиф, пьяный, едва волоча ноги.

– Где медведь, проклятая? – заревел он.

От страха у Чернушки отнялся язык, и она слова не могла вымолвить.

– Подожди, дай только найти медведя, тогда увидишь,

что я с тобой сделаю.

Осмотрев кусты, Юсиф заметил, что ветка, к которой он привязал зверя, сломана. Тогда он понял, что медведь не украден, а сам ушёл в лес.

– Ступай вперёд! – крикнул он Чернушке. – Живей, живей! Пойдём в лес искать его.

Они обошли почти весь лес, не найдя никаких следов медведя, как вдруг Чернушка услышала рев.

– Дядя, дядя! Это медведь ревет!

– Врешь! Ничего не слышу!

– Да ты послушай, вот опять...

На этот раз Юсиф тоже услышал рёв.

– Правда! Это медведь!..

Оба направились в ту сторону, откуда слышался рёв.

Наконец они нашли медведя. Зацепившись ошейником за сухую ветку, он метался из стороны в сторону и отчаянно ревел. Цепь обмоталась вокруг дерева, и он никак не мог освободиться.

Пьяный Юсиф бросился к медведю и со злости стал избивать его палкой. Зверь метался во все стороны и ревел как безумный. Вдруг неожиданным рывком ему удалось освободиться от ошейника, он бросился на Юсифа и, подмяв его под себя, мгновенно растерзал в клочья.

Расправившись с хозяином, разъярённый зверь бросился за девочкой. Расстояние, разделявшее их, всё сокращалось. Вдруг Чернушка заметила черневший в отвесном склоне оврага вход в пещеру. Он был достаточно широк, чтобы девочка могла влезть в него. Не раздумывая ни секунды, она юркнула туда.

Чернушка заползла в самую глубь пещеры и, охваченная ужасом, лежала без движения. Но страх её был напрасен. Ярость медведя уже остыла, теперь он был бы даже рад ей.

Бедная девочка от страха забилась в такую узкую щель, что даже шевельнуться не могла. От недостатка свежего воздуха и смертельного ужаса перед медведем у неё стучало в висках, ей казалось, что вот-вот она потеряет сознание.

А медведь спал, громко сопя. Внезапно он проснулся и стал ворчать, сначала тихо, а потом всё громче и громче. До слуха Чернушки донёлся лай собак.

Вскоре целая свора сгрудилась у входа в пещеру. Через несколько минут подскакали охотники. Услышав рычание медведя, они приготовили ружья и стали науськивать собак. Осмелев, собаки кинулись к пещере. Наконец вышел медведь.

В это время раздался один за другим три выстрела, и бедный зверь, точно дуб, сломанный бурей, повалился наземь.

– Это моя пуля его уложила! – воскликнул один охотник.

– Ошибаетесь, Гусейнкули ага. Это я его прикончил, – возразил другой.

– Прошу прощения, Селим бек! Я целился ему прямо в голову, и, конечно, он погиб от моей пули, – вмешался третий.

– Погодите минутку, – сказал Гусейнкули ага. – Сейчас мы всё узнаем!

Он слез с коня и с помощью слуг стал оглядывать медвежью тушу.

– Не спорьте, друзья! Все мы попали в цель! Этот зверь ручной.

– Быть этого не может! С чего ты взял?

– Сам погляди! Вот след ошейника. Видишь, шерсть потёрлась. Прав я, Селим бек? – обратился он за подтверждением ко второму охотнику.

Селим бек, осмотрев шею медведя, согласился с Рагим беком, и они стали громко смеяться. Гусейнкули ага с большой неохотой вынужден был признать их правоту.

В это время чёрный дворовый пёс, увязавшийся от самого дома Гусейнкули ага за охотничьими собаками, полез в пещеру. За ним стремились и другие собаки. Изнутри донёлся их громкий лай. – Стойте! – закричал Гусейнкули ага. – В пещере спрятался ещё один медведь!

Беки вскинули ружья и в ожидании стали полукольцом у входа. Из пещеры показался чёрный пёс, волочивший Чернушку, ухватив её зубами за платье. У самого выхода он бросил её и, ворча, отошёл в сторону. Девочка лежала без движения. Охотники склонились над ней. Чернушка медленно открыла глаза.

– Да ведь я знаю эту девочку! – воскликнул вдруг Селим бек. – Это знаменитая плясунья Чернушка. Она бродит по сёлам с цыганом Юсифом.

Придя в себя, Чернушка рассказала охотникам о своих злоключениях. Узнав о том, что у неё нет ни отца, ни матери, Гусейнкули ага с удовлетворением воскликнул:

– Вот и хорошо! Значит, никто не посмеет отнять её у меня.

К вечеру Гусейнкули ага со своими друзьями вернулся с охоты домой. Лай собак, ржание коней, крики слуг и конюхов, голоса охотников – всё слилось в радостный гул.

На шум во двор без разрешения гувернантки выбежала дочка Гусейнкули ага Агджа ханум, маленькая белокурая и белолицая девочка. Заметив стоявшую в стороне Чернушку, она подошла к ней. Несколько минут они молча разглядывали друг друга.

Агджа ханум протянула Чернушке свою тоненькую ручку с хрупкими пальчиками, и та крепко сжала её огрубевшей и сильной ладонью. От этого пожатия Агджа ханум слегка вскрикнула, но тут же рассмеялась.

Через минуту между девочками завязался оживлённый разговор.

В это время Гусейнкули ага, забыв о существовании Чернушки, развлекал своих гостей.

Периджахан ханум, увидев, что дочь её оживлённо болтает с какой-то незнакомой черномазой девчонкой, позвала гувернантку и сердито накинулась на неё:

– Вы забываете о своих обязанностях, сударыня! Посмотрите, с кем беседует ваша воспитанница! Немедленно уведите её в детскую и оставьте без ужина.

Гувернантка взяла плачущую Агджу ханум за руку и увела в дом, а Периджахан ханум подзвала Чернушку.

– Иди за мной, цыганка! – сказала она и повела её прямо к Гусейнкули ага.

– Где ты нашёл эту принцессу? – насмешливо обратилась она к мужу. – Твоя дочь уже успела с ней подружиться, и я застала их за приятной беседой.

Гусейнкули ага рассказал жене, как они нашли Чернушку, и добавил:

– Пожалей нашу дочку, Периджахан. Ведь она изнывает в одиночестве, без подруг. Пусть играет с этой девочкой. Может, хоть немного окрепнет и поздоровеет.

– Мы с тобой уже договорились, что ты не будешь вме-

шиваться в воспитание дочери. Почему же теперь ты нарушаешь своё слово? Пусть эта девчонка сейчас же убирается отсюда. Больше ничего и слушать не желаю.

– Нет! – вскипел Гусейнкули ага. – Она останется здесь. Чернушка будет жить у старого садовника Пири.

– Это пожалуйста, – сказала Периджахан ханум примирительно. – Но только с условием, чтобы она не встречалась с Агджой...

В этот же вечер Чернушка была отдана на попечение дедушки Пири.

Дедушка Пири жил в хижине, построенной в огромном плодовом саду. Ему было семьдесят лет. Родных у него не было. Он работал садовником ещё у отца Гусейнкули ага. Все свое время он проводил в саду, и на барском дворе бывал очень редко.

Садовник очень обрадовался девочке. Он постелил ей в углу своей бедной хижины, накормил, напоил и уложил спать, но она долго не могла уснуть.

– Дедушка, – сказала она, приподняв голову с подушки, – почему барыня не разрешает своей дочке играть со мной?

– Они беки, детка, а мы простые люди, – сказал дедушка Пири. – Они господа, а мы слуги. Мы не можем дружить с ними. Ты забудь об Агдже ханум, дитя моё. Она тебе не подруга.

Объяснения старика не успокоили Чернушку. «Что плохого сделала я Агдже ханум? За что рассердилась на меня её мать?» – думала она. – И её без ужина оставили. Теперь бедняжка голодна. Я помню, мама иногда не давала обеда, если я была виновата в чём-нибудь. А ведь эта девочка ни в чём не провинилась, не шалила...»

С этими мыслями Чернушка заснула.

Такие же думы тревожили и Агджу ханум. Она не понимала, за что рассердилась мать. Агджа ханум натянула одеяло на голову и тихо заплакала. Так, всхлипывая, она и заснула.

Дедушка Пири с детства привык вставать ещё до восхода солнца.

Для охраны сада у дедушки Пири был один верный помощник, тот самый чёрный пёс, который вытащил Чернушку из пещеры. Воры хорошо знали его тонкий нюх и острые зубы и потому не решались даже близко подходить к садовой ограде.

У этого дворового пса была удивительная особенность: он безошибочно распознавал врагов дедушки Пири и ни на шаг не подпускал их к своему хозяину. Если, знакомясь с человеком, дедушка Пири замечал, что чёрный пёс добродушно виляет хвостом, он знал, что найдёт в новом знакомом верного друга; если же пёс скалил зубы и ворчал, это значило: не жди добра от этого человека.

Выйдя из избушки, дедушка Пири оставил дверь открытой. Пёс вошёл в комнату и сразу почуял присутствие чужого человека. Навострив уши и грозно оскалясь, он кинулся в угол, но, узнав Чернушку, дружелюбно завилял хвостом и стал лизать ей руку. Девочка открыла глаза и, спросонья не узнав пса, испуганно вскрикнула.

На её возглас прибежал дедушка Пири:

– Что с тобой, детка? Чего ты испугалась?

– Здесь медведь!

– Нет, родная, это наш чёрный пёс! Откуда тут взялся медведь! – сказал дедушка Пири, прогоняя пса. – Спи, дорогая, ещё рано...

*Кадр из фильма "Чернушка"
("Азербайджанфильм", 1966 г.)*

– Нет, дедушка, я не хочу больше спать. Я всегда встаю на рассвете.

– Это очень хорошо, для здоровья полезно.

Когда девочка вошла с мокрыми после умывания лицом и руками, старик дал ей полотенце и стал разливать чай. Чернушка под села к скатерти, и они стали мирно завтракать.

После чая дедушка Пири сказал Чернушке:

– Теперь пойдём в сад и соберём фрукты, пока еще не жарко.

Он взял большую корзину, дал Чернушке корзинку поменьше, и они в сопровождении чёрного пса вышли.

Собака весело бежала рядом с девочкой, бойко махая хвостом...

Дедушка Пири немного знал о Чернушке. Но сейчас он попросил её подробно рассказать о своей жизни. Грустная повесть бедной сиротки растрогала старика, и он ещё больше полюбил её.

Утренний воздух, напоенный ароматом цветов и созревших фруктов, пение птиц бодрили старика. Никто не поверил бы, что он живёт на свете восьмой десяток лет.

Садовник и его маленькая питомица подошли к яблоням. Чернушка быстро вскарабкалась вверх и стала рвать яблоки. Она ловко кидала их вниз, но и себя не забывала.

– Ну, довольно! – сказал дедушка Пири. – Пойдём за грушами, виноградом и персиками.

Вдруг чёрный пёс бросился в сторону. Чернушка посмотрела ему вслед и увидела маленького котёнка, за которым погналась собака. Чернушка побежала за псом и стала звать его. Но он не слушался. Напрасны были и крики дедушки Пири. Пёс почти настиг котёнка, когда тот быстро вскарабкался на грушу. Котёнок забрался так высоко, что его никак нельзя было достать. Он не спускал глаз со своего свирепого врага и дрожал всем телом.

Чернушка полезла на дерево. Заметив её, котёнок поднялся ещё выше, но девочка всё-таки добралась до него. Это был красивый котёнок, серый, в тёмных пятнышках.

Старик Пири, собрав рассыпавшиеся яблоки в корзину, подошёл к грушевому дереву. Пёс немного успокоился, но, всё ещё, виляя хвостом, свирепо поглядывал на верхушку.

– Какой красивый котёнок, дедушка, – закричала Чернушка. – Прямо прелесть! Я возьму его домой. Можно?

– Ладно, родная, бери. А теперь нарви груш, и пойдём дальше.

Наполнив корзины фруктами, дедушка Пири сказал Чернушке:

– Теперь надо отнести это господам. Ты поможешь мне

Кадр из фильма "Чернушка"
("Азербайджанфильм", 1966 г.)

донести до калитки, а дальше я понесу сам.

– Почему, дедушка? Разве мне нельзя ходить на господский двор?

– Нет, дорогая, нельзя. Зачем сердить Периджахан ханум? Она подумает, что мы не подчиняемся её приказанию.

Проводив дедушку Пири до калитки, Чернушка взяла котёнка на руки и стала разгуливать по саду. Идя вдоль забора, она вдруг заметила сквозь щель Агджу ханум, которая, сидя с гувернанткой на скамье, читала какую-то книгу. Было заметно, что ей совсем не хочется читать, и книжка не интересует её.

Чернушка поняла, что Агджу ханум наказали и заперли. Добрая девочка от души пожалела свою маленькую подружку и почувствовала неприязнь к злой гувернантке.

Господа жили в большом двухэтажном доме, к которому примыкал старинный флигелёк, сооружённый ещё во времена деда Гусейнкули ага. Он состоял из трёх небольших комнат. Маленькие окна с крошечными разноцветными стеклами выходили в сад. Здесь никто не жил. В двух из них хранилось имущество, оставшееся от родителей бека. Они были всегда на замке. В третьей комнате, которую все называли комнатой деда, Гусейнкули ага обычно отдыхал после обеда. Здесь было чисто, на стенах висели старинные доспехи и оружие. В комнате было всего одно небольшое оконце, рама которого, в отличие от обыкновенных окон, поднималась вверх. Маленькие разноцветные стёкла почти не пропускали света, и здесь всегда был полумрак. Сюда и запирали Агджу ханум за её провинности.

Запертая в комнате маленькая барышня заметила Чернушку. Она постучала пальчиком по стеклу, но оно, расшатавшись от времени, вдруг вылетело из старой полусгнившей рамы и со звоном разбилось о камень.

Обе девочки не на шутку испугались. Чернушка спряталась в густых ветвях, а Агджа ханум отбежала вглубь комнаты. Подождав несколько минут и оправившись от страха, она снова подошла к окну и шёпотом позвала Чернушку. Та выглянула из своего укрытия и тихонько спросила:

– Агджа ханум, это твоя учительница наказала тебя?

– Да, а ты откуда знаешь?

– Я смотрела из-за забора и видела, как ты читала книжку, а потом хотела поймать бабочку, но учительница рассерди-

лась и увела тебя.

– Да, да... Когда меня наказывают, мама и гувернантка Марья Ивановна запирают меня здесь. Ах, какая ты счастливая!.. За тобой никто не следит, и ты свободно гуляешь, где тебе хочется, а не сидишь взаперти.

– Но ведь с тобой это не часто случается? Ты тоже иногда гуляешь, как я.

– Нет! Мне ни с кем не разрешают играть, и во время прогулок Марья Ивановна всегда сопровождает меня. А я совсем не люблю гулять с ней.

– Да! – со вздохом сказала Чернушка. – Тебе не разрешают играть со мной.

– А что это у тебя? – вдруг спросила Агджа ханум. Чернушка показала ей котёнка.

– Я его поймала утром в саду! – весело сказала она, поднимая его высоко над головой.

– Хочешь, я подарю его тебе?

– Очень хочу! Дай мне его вот через эту дырку!

– Мне не достать до неё, а в калитку меня не пустят.

– Тогда, может быть, ты перелезешь через забор?

– Ладно, попробую!

С этими словами Чернушка ловко спустилась с дерева и стала искать удобное место, чтобы перебраться на другую сторону. Вдруг она заметила высохшую канавку под самой изгородью. С трудом пролезла она в узкое отверстие и вышла на задний двор бекского дома. Пригибаясь к земле, чтобы её не увидели, она пробежала по пустому дворику и остановилась у окошка, где её с нетерпением ожидала маневная барышня.

– Как ты пролезла? – с горящими от любопытства глазами спросила Агджа ханум.

– Через канавку под забором, – ответила Чернушка и протянула ей котёнка: – Погляди только, какой чудесный!

Агджа ханум осторожно взяла котёнка и прижала к груди. Чернушка приподнялась на цыпочки и заглянула в комнату.

– Как тут красиво! – воскликнула она восторженно. – И сколько оружия!..

После этого прошло несколько дней. Гусейнкули ага с дочерью Агджа ханум пришли к дедушке Пири. Он сидел на пороге и плёл корзину, а Чернушка мыла посуду.

При виде Гусейнкули ага бедняжка не на шутку перепугалась. Она вынесла для него подушку и положила её на мягкую зелёную траву. Усевшись, он сказал:

– Идите, девочки, поиграйте в саду.

Чернушка захватила с собой бубен и убежала со своей новой подружкой. Чернушка начала учить Агджу ханум играть на бубне и танцевать. Маленькая барышня была счастлива, но лицо её омрачалось и сердце тоскливо сжималось, когда она вспоминала, что скоро вернётся мать и лишит её этого удовольствия.

Через некоторое время Гусейнкули ага и дедушка Пири позвали девочек на пасеку. Подружки с интересом разглядывали пчёл.

Указав на один из ульев, дедушка Пири предупредил:

– Эти пчёлы очень злые, детки! Остерегайтесь их!

Подойдя к другому улью, отверстие которого облепили пчелы, старик обрадованно продолжал:

– Как кстати вы пришли! Сейчас отсюда вылетит молодой рой. – Потом он повернулся к Чернушке: – Сбегай, дочка, домой и принеси белый мешочек, который я сегодня пока-

зывает тебе.

– В каждом улье есть одна старшая пчела, – объяснял дедушка Пири Агдже ханум. – Называют её царицей. Когда подрастает вторая царица, между ними начинается борьба, и младшая улетает на поиски нового гнездышка. За ней устремляются вновь родившиеся пчёлы-воины.

Дедушка Пири сказал:

– Мы для тебя сделаем собственный улей, Агджа ханум.

– Вот тебе и собственный улей! – ласково сказал Гусейнкули ага. – А теперь пойдём. Скоро приедет мама.

К вечеру вернулись из города Периджахан ханум и Марья Ивановна. Увидев дочь оживлённой, с румяными щёчками, мать удовлетворённо проговорила:

– Вот видишь, доченька! Ты послушалась меня, полежала и совсем поправилась. Погляди-ка, какие я привезла тебе подарки.

Периджахан ханум замечала, что девочка с каждым днём поправляется, и радовалась этому, но её очень огорчало то, что Агджа ханум совершенно перестала слушаться гувернантку. Как-то она пожаловалась мужу, но он насмешливо ответил:

– Две взрослые женщины не могут справиться с маленькой девочкой! Я вам советую почаще запирать её.

Иногда он и сам делал вид, что сердится на дочку и отсылал её в комнату деда, о чём тотчас же тайком извещал Чернушку.

Дедушка Пири отнюдь не радовался крепнущей дружбе Чернушки с маленькой барышней. Он прекрасно понимал, что Гусейнкули ага никого, кроме беков, не считает настоящими людьми и допускает нищую сиротку к своей дочери только назло жене. Если Периджахан ханум узнает об этих тайных встречах, она немедленно прогонит Чернушку.

Ещё больше огорчало старика то, что Гусейнкули ага купил Чернушке нарядное цыганское платье, в котором она должна была плясать и петь перед его гостями. Старик был глубоко возмущён этим, но боялся возразить своему господину.

Однажды у Гусейнкули ага собралось много гостей. В разгар пира он послал своего слугу к дедушке Пири за Чернушкой. Она надела своё нарядное платье, взяла бубен и пошла.

Она очень любила танцевать и в этот вечер плясала так искусно, с таким увлечением, что все в молчаливом восхищении любовались ею. Она забыла обо всём, никого не видела, ничего не замечала. Перед глазами её стоял образ её учительницы Ясемен.

Закончив танец, Чернушка закружилась с такой быстротой, что стала похожа на маленький яркий шар. Зрители восторженно захопала ей. А она опустилась на одно колено и, подняв правую руку с бубном над головой, левую приложила к бедру. В этот момент в круг неожиданно вышла Агджа ханум и приказала музыкантам играть. Все с удивлением смотрели на неё. Грянула музыка, и девочка начала плясать. Движения её были такие же стремительные и красивые, как у Чернушки. Покружившись немного, она пригласила вступить в танец Чернушку. Та тотчас же подскочила к барышне, и они стали танцевать вдвоём.

Весть об этом облетела весь дом и донеслась до Периджахан ханум. Она вихрем влетела в зал и, увидев, что её дочь танцует вместе с нищей цыганкой, не знала, что делать от гнева.

Девочки закончили танцевать. Все громко аплодировали и наперебой хвалили их. Счастливый Гусейнкули ага заключил дочь в объятия.

Через минуту явилась служанка и вызвала Агджу ханум к госпоже.

Гусейнкули ага тотчас догадался, что девочка будет наказана. Так и произошло. Не прошло и минуты, как из соседней комнаты донёлся раздражённый крик Периджахан ханум.

Гусейнкули ага, извинившись перед гостями, пошёл к жене. Когда он появился в дверях, Агджа ханум горько плакала, а мать неистово кричала:

– Сейчас же скажи, кто тебя выучил этим танцам?

– Я тебе отвечу, – выступил вперёд Гусейнкули ага. – Её научила Чернушка. Что ещё хочешь?

– Как же Чернушка могла научить её? Я же запретила им видеться.

– Ты запретила, а я разрешил. Кто в конце концов хозяин в этом доме, я или ты? Кто смеет перечить мне?

Периджахан ханум никогда ещё не приходилось видеть своего мужа в таком гневе.

– Раз так, – сказала она, – мне нечего больше делать в этом доме.

– Твоя воля. Хочешь – оставайся, не хочешь – скатертью дорога. Заруби у себя на носу, что с этих пор будет так, как я скажу.

Расстроенные гости стали постепенно расходиться. Остались только Рагим бек и Селим бек. Наконец, им удалось помирить хозяев.

– Почему ты против того, чтобы Агджа танцевала? – в примирение спросил Гусейнкули ага, когда гнев его немного остыл. — Что в этом плохого?

– Я вовсе не против того, чтобы моя дочь умела танцевать, – прервала его Периджахан ханум, – но я считаю, что внучке Мехти ага не пристало дружить с какой-то цыганкой. После того, что случилось, я не могу оставить Агджу здесь. Я опять переселюсь в город и отдам её в закрытый пансион. Пусть Гусейнкули ага живёт здесь, он ведь не любит город.

Гусейнкули ага согласился. На следующий день Агджа ханум с матерью уехала, не успев даже проститься со своей подружкой.

Отъезд её тяжело подействовал на Чернушку. Она очень тосковала в разлуке с маленькой барышней.

Как ни странно, бедная девочка совсем перестала танцевать. Всё время она проводила в саду, и единственным товарищем её игр был чёрный пёс. Она научила его разным фокусам, и он всегда безропотно выполнял любые её поручения.

– Нашли друг друга две чернушки, – шутиливо говорил дедушка Пири, постоянно видя их вместе...

Стояли последние дни лета. Вскоре должны были начаться занятия в пансионе. Агджа ханум упросила мать провести оставшееся время в деревне. Периджахан ханум согласилась.

– Хорошо, дочка! Я тоже поеду с тобой, и мы отдохнём там. Я так устала от городского шума и частых гостей! Только с условием: ты не должна встречаться с этой цыганкой. Ты дочь бека, и тебе не подобает дружить с простой девчонкой. Когда папа был последний раз в городе, он сам признался, что разрешал тебе встречаться с ней, только чтобы позлить меня. Он обещал прогнать и дедушку Пири и Чернушку, как

только окончится сбор фруктов.

Это известие сильно огорчило Агджу ханум. Периджахан ханум сообщила мужу о выезде. Когда поезд остановился на станции, девочка увидела отца на перроне и позвала его.

Выйдя из вагона, она стала оглядываться по сторонам и вдруг, к своей радости, заметила Чернушку, стоявшую далеко в стороне. Периджахан ханум была занята багажом, который слуги укладывали в коляску. Воспользовавшись этим, Агджа ханум улучила момент, чтобы подбежать к Чернушке.

– Уходи скорее, – встревоженно сказала та, – не то барыня увидит нас вместе и опять рассердится.

– Правда! Потом увидимся! – согласилась Агджа ханум и побежала к родителям.

Они сели в коляску и доехали домой.

Во дворе госпожу встречали выстроившиеся в ряд слуги. Среди них был и старик Пири. Чернушки не было видно, Периджахан ханум насмешливо сказала дочери:

– Вот верность твоей подружки! Не потрудилась даже встретить тебя!

Агджа ханум в ответ только улыбнулась матери.

На другой день приехала и Марья Ивановна.

Девочка совсем не была рада приезду в деревню. Она стремилась сюда только затем, чтобы видеться с Чернушкой, а это было невозможно.

Как-то Агджа ханум гуляла с гувернанткой в цветнике. Марья Ивановна читала, а маленькая барышня строила из песка домик. Потом она нарвала цветов и стала украшать его.

Вдруг до неё донёсся голос Чернушки. Она застыла на месте, прислушиваясь к песне. Внезапно ядовитая змея, гревшаяся на солнце, ужалила Агджу ханум в голую руку чуть выше кисти. Девочка с криком бросилась к гувернантке.

Растерявшись, Марья Ивановна побежала к дому за водой и оставила Агджу ханум одну. Та с криком бежала за гувернанткой.

– Постой, дочка! – остановил дедушка Пири Чернушку. – Послушай-ка, что это за крики на господском дворе.

– Дедушка, это голос Периджахан ханум! – И Чернушка бросилась туда.

Когда она вбежала во двор, Агджа ханум стояла бледная и из руки её сочилась кровь.

Периджахан ханум истоптанно кричала, умоляя слуг:

– Милые, спасите, помогите! Спасите мою дочку! Отсосите кровь из ранки!..

Но ни один из слуг не решался на это рискованное дело – отсасывать змеиный яд из ранки.

Услышав слова Периджахан ханум, Чернушка тотчас же подбежала к Агдже ханум и, крепко прижавшись губами к ранке, стала изо всех сил сосать; отсасывала и выглёвывала кровь.

Периджахан ханум покрывала поцелуями голову Чернушки, не переставая бормотать дрожащим голосом:

– Чернушка! Милая! Не дай умереть моей девочке! Спаси её!

Чернушка не слышала взволнованной мольбы Периджахан ханум, она напрягала все свои силы, чтобы спасти любимую подружку.

Она сосала до тех пор, пока из раны перестала показываться кровь. Агджа-ханум уже не чувствовала боли в ранке.

– Развяжите руку! – просила она, жалуясь только на боль от жгута, которым была перетянута рука выше ранки.

– Нельзя, доченька! Если развязать, яд проникнет дальше. Потерпи немного. Сейчас pošлю телеграмму в город, чтобы папа привёз врача...

Когда перевязывали ранку на руке у барышни бинтом, подошёл дедушка Пири.

– Видел, дед, какая беда стряслась над нами? – сказала всё ещё не пришедшая в себя от страха Периджахан ханум.

– Видел! – глухо отозвался старик. – Видел, как ты спасала своего ребёнка ценой жизни этой бедной сиротки!

И он окинул барыню гневным взглядом.

– Что ты говоришь, дед? С Чернушкой ничего не случится.

– Погляди хорошенько, барыня!

В этот момент раздался жалобный голос Чернушки:

– Дедушка, всё нутро горит! Дай мне воды!

– Пойдём, дочка, пойдём отсюда! Удастся ли ещё спасти тебя, дитя моё? – Потом он повернулся к одному из слуг: – Сбегай, голубчик, принеси банку кислого молока!

– Сию минуту! – с готовностью ответил слуга и бросился бежать.

– Прошу тебя, дед, не уводи Чернушку! – остановила его Периджахан ханум. – Я послала телеграмму в город, господин привезёт врача...

– Отойди с дороги! – грозно сказал не владевший уже собой дедушка Пири. – До сей поры ты близко не подпускала эту бедняжку к своему дому, боялась, что она испортит твою барышню. А теперь я не хочу оставлять её здесь!

Старик взял Чернушку за руку и поспешил к своей хижине.

У Чернушки оказалась царапинка на десне, и, когда она отсасывала ранку Агджи ханум, яд проник в кровь и отравил девочку. Жизнь маленькой сиротки угасала. Но дедушка Пири всё же надеялся спасти её.

Наконец приехал Гусейнкули ага из города и привёз врача.

– Жизнь Агджи ханум вне опасности, – заявил доктор, осмотрев её. – Яд отсосали вовремя, и он не успел проникнуть в кровь! У неё небольшой жар, но я выпишу лекарство, и всё пройдёт.

Мать и отец радостно вздохнули и вместе с врачом направились к избушке садовника.

Опухшие, налитые кровью глаза Чернушки были закрыты.

– Положение весьма тяжёлое! – сказал врач после осмотра. – Яд попал в кровь, и надежды на спасение мало...

Врач дал Чернушке выпить привезённое из города лекарство. Он оставил склянку у дедушки Пири, велел часто поить из неё больную.

– Не отчаивайся, дед, – подбодрил он старика. – Девочка крепкая, и я думаю, что она поправится...

Дедушка Пири отворил дверь и сел у изголовья Чернушки. Одиноким старик всем сердцем привязался к маленькой сиротке, озарившей его жизнь новым светом. Теперь этот свет угасал. Чернушка с трудом подняла красные веки, увидела яркие солнечные пятна на стенах, улыбнулась и навсегда закрыла глаза.

– Улетел соловей из моей хижины!.. – простонал старый Пири и залился слезами.

Перевод Азиза Шарифа

Ахундов Сулейман Сани